тью». В главе «Демография и демографическая политика» Саррацин напоминает данные Колдуэлла [4, с. 17-18], согласно которым «высокая рождаемость среди мусульманских иммигрантов является общеевропейским феноменом: в Турине… их доля уже достигла 25%. От иммигрантов рождается сегодня одна пятая часть детей в Копенгагене, одна треть детей в Париже и половина детей в Лондоне. Во Франции французские женщины в среднем имеют 1,7 детей, иммигранты – 2,8, мигранты из Туниса, Турции и Марокко – в среднем 3,3-3,4 детей, что даже больше, чем на их родине» (с. 318). Саррацин против системы, позволяющей за счет рождения детей не работать и находиться на дотации государства.

У читателей книги Саррацина на его вопрос «самоликвидируется» ли Германия, складывается положительный ответ. Справедливости ради следует заметить, что критики, обвиняющие Саррацина в разжигании межнациональной и межрасовой розни, не всегда правы. Автор постоянно подчеркивает: иммигранты иммигрантам – рознь. Он совершенно не против тех турок в Германии, которые уважают немецкие законы, хорошо владеют немецким языком и работают в легальной экономике, и неоднократно подчеркивает, что призывает только к реформе иммиграционной и социально-экономической политики государства.

Книга Саррацина интересна не только для специалистов-политологов и социологов, но и для представителей государственных структур нашей страны – законодателей и управленцев. Целый ряд поднятых здесь вопросов актуален и в современном российском обществе. Конечно, некоторые утверждения Тило Саррацина не всегда политкорректны, а многие из мер, которые он предлагает для пересмотра государственной политики, являются спорными и трудно осуществимыми. С нашей точки зрения, работа Саррацина значительно перегружена статистическими материалами. В работе имеет место повторение как статистики, так и предлагаемых автором мер. В ряде глав, в частности посвященной проблемам образования в Германии, – автор доходит до мелочной детализации в системе школьного образования (возможно, навеянной профессиональной деятельностью его жены – учительницы начальной школы).

Вероятно, автор сознательно пошел на публикацию своей книги, идеи которой были поддержаны большинством населения Германии. Однако эти идеи категорически отвергнуты политической элитой страны и культурными меньшинствами. Итогом публикации стала отставка автора с должности члена правления немецкого бундесбанка и угроза исключения Саррацина из Социал-демократической партии Германии.

Литература

1. OECD (2001): Lernen für das Leben. Erste Ergebnisse der internationalen Schulleistungsstudie PISA 2000. Paris: OECD.
2. Spiegel online 19.10.2010.
3. Frank Schirrmacher Ein fataler Weg, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.08.2010.
4. Christopher Caldwell Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West, New York, 2009, c. 17-18.

Наталья ЮРЧЕНКО

Концепты модернизации в поле политических интерпретаций

В начавшемся масштабном процессе избирательного цикла 2011-2012 гг. в России политические силы активизировались в поиске нестандартных подходов к решению социальных проблем. Большинство предпочтений социальных программ, в которых авторы пытаются создать образ будущего страны на основе современного научного знания, сводится к выработке модернизационного проекта развития в XXI в. Правящая элита понимает, что для успешной модернизации необходимо гражданское согласие. Цикличность мировых финансово-экономических кризисов в совокупности с политическими катаклизмами осложняют прогнозную деятельность во всем мире, в том числе в России. Основные риски для нашей страны связаны со значительной зависимостью от внешней экономической динамики, что усугубляет внутриполитические конфликты по поводу выбора стратегии модернизации. Сталкиваются крайние точки зрения: для одних Россия все более и более признается объектом «наднациональной экспансии», другие, признавая технологическую и информационную отсталость российского общества, такой угрозы не видят.

Борьба *политических пониманий* происходит на фоне реальной смены эпох: система власти индустриального прошлого заменяется системой власти информационного настоящего [1]. Идеологическая природа возникающих конфликтов и очагов напряженности проявляется в основном как противоречие между вызовами новой цивилизации информационного типа и традиционными устоями привычного индустриального общественного уклада.

Стремительные трансформации коммуникативного пространства публичной сферы, где разворачивается предвыборная борьба, имеют свою специфическую логику зависимости от определенных

Наталья ЮРЧЕНКО – доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, кандидат политических наук

политических, экономических и медиаструктур, влияющих друг на друга в конфликтном взаимодействии, меняющих приоритеты и создающих как конструктивные, так и деструктивные механизмы властвования. В науке разрабатываются методологические подходы к изучению неравновесных дискурсивных систем, в частности синергийно-информационная парадигма, предлагающая использовать для разрешения конфликтной ситуации рефлексивные модели информационной антропологии [2].

Трансграничная информационная среда качественно видоизменяет социально-политическое пространство, формирует новый стиль взаимодействия общества и власти [3].

Существование конфликта интерпретаций как имманентной характеристики политического пространства обосновывалось К. Мангеймом, рассуждавшем о социальной природе различных стилей мышления, П. Рикёром, предложившим феноменолого-герменевтическую методологию исследования социального мира [4] и другими классиками политического анализа и социологии познания. В политическом дискурсе акцентируется внимание на точках пересечения или различениях позиций государственной власти, «системной» и «несистемной» оппозиции, лидеров общественного мнения (которое имеет гетерогенную структуру) различных заинтересованных групп по самым существенным вопросам: справедливости, неделимости и неотчуждаемости суверенитета (народного и государственного), принципов и способов воспроизводства и распределения общественных благ. Каждая социальная группа в параметрах свой внутренней логики выстраивает иерархию многосложных общественных благ, доказывая их приоритеты.

В тематизации дискурса преобладает общая проблема противодействия господству: парадоксальным образом все, даже «враждебные друг другу группы», считает П. Рикёр, говорят о том, «как сделать так, чтобы не одно общественное благо не послужило средством господства» [5]. Процесс конфликтного взаимодействия различных политических акторов так или иначе приводит к феномену «искаженной коммуникации», поэтому понимание, объяснение, интерпретирование и аргументация становятся важнейшими механизмами урегулирования этого конфликта и основанием для легитимизации политического курса правящей элиты.

В конфликтном процессе выбора стратегии развития большую роль играет политическая воля, которая необходима всегда, когда нужно пойти против стереотипов большинства, чтобы в дальнейшем добиться эффекта синергии, внутреннего единства, консолидации и сотрудничества общества ради идеалов модернизации. В этом смысле, на наш взгляд, и миссия политической теории заключается в том, что она, развиваясь, размышляет по поводу подлинного блага в политике.

Перекрестные линии конфликта в политике, и особенно в избирательных кампаниях, являются неотъемлемой частью общественных отношений и в целом выполняют позитивную функцию [6]. Как известно, пересекающиеся линии конфликта содействуют политической умеренности и стабильности и рассматриваются как феномен социального плюрализма. Оценочные различия в определении политического курса обусловлены несовместимыми социально-экономическими и политическими интересами, что может привести не просто к соперничеству или недоверию, но и к реальному антагонизму, обостряющемуся несоответствием между материальными ожиданиями и осуществляемыми изменениями.

Необходимым условием продуктивной модернизации общества является обеспечение эффективности государственной власти, ответственной за решение всех острейших проблем, прежде всего таких, как преодоление коррупции и структурной бедности. Проведенное Институтом социологии РАН исследование на тему «Готово ли российское общество к модернизации?» показало, что людей с разными социальными статусами и идеологическими установками объединяет оценка ситуации в стране, связанная с коррупцией, искоренение которой рассматривается большинством как главное условие успеха осуществляемого модернизационного проекта. Но для значительной части чиновничества и бизнеса модернизация – это просто очередная кампания, имеющая «проходной» характер [7].

Именно общественная составляющая является прочным основанием для позиционирования модернизации Президентом РФ Д.А. Медведевым, акцентирующим внимание политической элиты и органов государственного управления на практической сущности этого процесса, на реализации конкретных научных направлений, введении специальных административных регламентов, расписывающих все аспекты деятельности чиновников с целью исключения самой возможности волюнтаризма. Типовые оценки эффективности властей на различном уровне должны помочь определить, обеспечивают ли они условия для проведения в жизнь идеологии модернизации или создают дополнительные барьеры.

Переход страны к инновационным технологиям невозможен с помощью единичных научно-технологических открытий, без естественной конкурентоспособной среды. Понимание этой сущностной компоненты модернизации государственным аппаратом является ментальной и идеологической предпосылкой претворения в жизнь российского модернизационного проекта. В этой связи особое значение имеют идеи и идеологии, конкурирующие в публичном пространстве. Заметим, что не только между политическими партиями, но и в самой «партии власти» наблюдается внутренний конфликт в понимании принципов реформирования, пропорций консерватизма и радикальных изменений.

Для того чтобы быть успешной, идеология модернизации должна восприниматься обществом как некая субстанция, существующая над социальными и этническими разногласиями, мобилизующая многосоставное мультикультурное население на реализацию стратегии развития. Однако сам по себе модернизационный проект неоднозначно трактуется представителями различных групп интересов и в обществе в целом, и внутри правящего класса. Наряду с провозглашенной идеей консервативной модернизации появились, с одной стороны, обоснования необходимости формирования «имперского сознания» (А. Проханов), а с другой стороны – резкая критика многолетних вложений власти в политическую модернизацию и обеспечение статуса России как «одного из хозяев миропорядка» [8].

Конфликт интерпретаций особенно болезненно проявляется в вопросах о роли государства в трансформационных процессах в современной России и необходимости демократизации общества. Прежде всего институты государства и институты демократии ошибочно противопоставляются друг другу: или сильное государство как авторитарное, или демократия с минимальным влиянием государства. Как справедливо отмечает Е. Примаков, «для осуществления модернизационного рывка с целью обретения истинной перспективы России нужна сильная государственная власть плюс демократизация, которая направляет эту власть исключительно на служение интересам народа...» [9].

Естественно, что в развернувшейся дискуссии о сущности, задачах и методах модернизации в России тон задают первые лица. В то же время формирование реальной политики зачастую зависит от экспертов, их оценок и рекомендаций. Так, в представленном независимом экспертном докладе в Институте современного развития предлагалось реализовать модель формирования двух структур власти. Одна замыкает на себе весь процесс модернизации с помощью создания так называемой «параллельной вертикали власти» во главе с президентом, а другая поддерживает уже сложившуюся систему бюрократических отношений с ориентацией на главу исполнительной власти. Но координация деятельности и той и другой вертикали, расстановка приоритетов в конфликтных ситуациях остается за президентом.

Для несистемной оппозиции приоритетным является вопрос о возможностях прихода к власти той или иной персоны, а не поиск ресурсов для консолидации общества в целях успешной реализации реформ. Политическая интерпретация российской модернизации может рассматриваться в параметрах сложносоставного, имеющего идеологическую природу конфликта, конструктивный исход которого зависит от диалога его участников, научной обоснованности позиций различных сторон, широкой поддержки большинства граждан предлагаемого социально-политического модернизационного проекта, соответствующего их ожиданиям, имеющего характер консолидирующей, интегративной, мобилизующей идеологии, обеспечивающей формирование надэтнической общегражданской идентичности.

Преодоление предубеждения по поводу возможности и способности российского государства осуществлять модернизационный проект продемонстрировал на Международном Петербургском экономическом форуме в июне 2011 г. Президент России Д.А. Медведев, который заявил, что Россия может себе позволить не догонять кого бы то ни было, а создавать новый технологический уклад [10]. Такая позиция не тождественна привычному изоляционистскому курсу или концепции «самодостаточности». Скорее это проявление сравнительного преимущества в качественно новых условиях информационного общества.

Обсуждение на форуме проблемы системных сбоев в контексте реформирования международной финансовой архитектуры, которая представляет собой наиболее слабую точку мировой экономики, показало, что аналогичную «работу над ошибками» в плане устранения системных причин кризиса необходимо регулярно проводить всем влиятельным политическим силам, а главное – научному сообществу. Именно это позволит вносить коррективы в стратегию развития, и, возможно, тогда мы избежим размывания смыслов и значений очень правильных, но, к сожалению, декларативных, не подкрепленных конкретными решениями и механизмами реализации призывов к модернизации страны. Иными словами, борьба политических пониманий стратегии и оптимальных моделей модернизации есть позитивно-функциональный конфликт, обеспечивающий в перспективе условия для искомого инновационного технологического и социально-гуманитарного прорыва.

Главным элементом идеологии модернизации является поддержка реального сектора экономики, в первую очередь тех предприятий, которые относятся к инфраструктурным и жизнеобеспечивающим для функционирования всего общества. Необходимо также подчеркнуть, что программа модернизации имеет как внутриполитический аспект, так и глобальное измерение и включает создание нового институционального дизайна международных отношений. Устойчивое социально-экономическое развитие внутри страны обеспечивается в том числе благодаря осуществлению модернизационного проекта всей мировой экономики.

Таким образом, в период выборов усиливается борьба политических пониманий по поводу стратегического курса и оптимальных моделей развития. Смысл политической модернизации заключается в том, чтобы этот конфликт выполнял конструктивную функцию, обеспечивая условия для устойчивого политико-экономического разви-

тия России и повышения ее статуса на мировой арене. В этом состоят конструктивные функции конфликтов в поле политических интерпретаций, обеспечивающих определенное преимущество формулы модернизации российской правящей элиты, в случае, если она способна выступить консолидировано перед вызовами мирового сообщества.

Исследование выполнено в рамках работы над проектом «Оптимизация административных практик в области политического и государственного управления в современной России» по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009-2013 гг.)

Литература

1. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
2. *Шевченко А.В.* Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис, 2009. № 5. С. 69, 71.
3. *Юрченко И.В, Юрченко М.В.* Феноменолого-герменевтическая методология исследования политической идеологии социального доверия в полиэтничном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 144.
4. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Прес-Ц; Кучково поле, 2002. С. 332-333.
5. *Рикёр П.* Справедливое. М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос», 2005. С. 90.
6. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена; [пер. с англ. Е.А. Жуковой]. М.: РОССПЭН, 2009. С. 43-47.
7. *Кузьмин В.* Без альтернативы // Российская газета. 2010. 13 сентября.
8. *Юргенс И.* Сила слабости // Российская газета. 2011. 11 января.
9. *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января.
10. Президенты решали, как избежать кризиса в будущем, 18 июня 2011. URL: www.forumspb.com, www.24 rus.ru

Владимир БОБРОВНИКОВ

Шариат и адат в российском нормативном пространстве

В последние десятилетия Северный Кавказ стал одним из самых проблемных регионов на южном пограничье Российской Федерации. По некоторым экспертным оценкам, российское право противостоит здесь обычному (‘адат) и мусульманскому (фикх, шари‘ат) или даже вытеснено ими. В 1990-е гг. отдельные эксперты полагали, что для стабилизации ситуации, урегулирования кровной мести, межобщинных и этнических конфликтов следует опереться на традиции адата и шариата, в частности медиаторство. Российский этнограф, член-корреспондент РАН А.С. Арутюнов и известный писатель и политик Э. Лимонов утверждали, что мусульманский обычай более соответствует уровню развития и специфике местного общества, чем федеральное российское законодательство, и поэтому ему надлежит оказывать поддержку. Однако надежды на шариат не оправдались: из-за провала планов «умиротворения» Северного Кавказа силовыми методами в регионе активизировалась исламистская оппозиция, пропагандирующая джихад против России.

Наиболее серьезной и распространенной ошибкой экспертов, оценивающих потенциал адата и шариата на Северном Кавказе, является эссенциализм, согласно которому адат и шариат – это неизменные застывшие правовые системы. Представление о них составляют по описаниям эпохи российского завоевания региона в XVIII – второй трети XIX вв. При этом нарративы позднего имперского времени переносятся в настоящее или выносятся за рамки истории. Не говоря о путанице шариата с адатом, игнорировании нормативных актов на арабском и других восточных языках, экспертные оценки, сделанные на дореволюционных материалах, представляются необоснованными. За полтора столетия сильно изменились не только сами нормы обеих правовых традиций, но и использовавшее их общество. Можно ли утверждать, что на современном Северном Кавказе сохранились обычное и мусульманское право как самостоятельные правовые системы? Или сегодня мы имеем дело с разрозненными нормами адата и шариата, причем в разных локальных вариациях на востоке и западе, в горах и на равнине, у различных народов региона?

Судя по первоисточникам и накопленному автором двадцатилетнему опыту полевой работы в регионе, правовая ситуация здесь намного мозаичнее и динамичнее. Для нее характерен ярко выраженный правовой плюрализм, при котором в общем полуавтономном соционормативном поле соперничают несколько местных и привнесенных извне правовых традиций, связанных с настоящим, а также советским, российским имперским и даже дороссийским прошлым. Наряду с

Владимир БОБРОВНИКОВ – заведующий сектором Кавказа Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник